

о книгѣ г. Коковцова, но мы можемъ сказать, что всякий семитологъ найдеть въ ней много для себя важнаго и интереснаго и будетъ благодаренъ автору.

А. Крымскій.

Сповідання про заздрих богів. Написав Михайло Драгоманов. Передрук із «Хліборбі». Коломія. 1894, 16⁰, стр. 54.

Эта небольшая книжка, составленная просто и живо, имѣть цѣлью популяризовать некоторые выводы библейской критики и примыкаетъ къ ряду другихъ подобныхъ сочинений того-же профессора: «Наука теологочна Західній Європі», «Рай і поступ» і т. д. Въ настоящей книгѣ авторъ разбираѣтъ вѣрованія и преданія грековъ насчетъ зависти боговъ и систематически прозодить параллель съ подобными же вѣрованіями у евреевъ.—Изложивши греческія преданія о зависти Зевса, о Прометеѣ (насадителѣ знаній, т. е. познающемъ добро и зло) и о грѣхопаденіи Пандоры и Прометея, проф. Драгомановъ вслѣдъ затѣмъ рассматриваетъ существовавшій у древнихъ евреевъ разсказъ о ревнивомъ богѣ Ягве (котораго онь почему-то называетъ «Іаве») и о грѣхопаденіи первой человѣческой чети; попутно проф. Драгомановъ уклоняется въ сторону, не нарушая однако замѣчательной связи рѣчи, и разсыпаетъ разныя побочныя сѣфѣйнія: обѣ антропоморфическихъ поэтизмѣ у древнихъ евреевъ, о вліяніи ассирийского искусства и т. п. Даѣще проф. Драгомановъ рассматриваетъ поздній греческія легенды о сынахъ бога (Зевса) человѣкообразѣ Гераклѣ, въ числѣстїи его и Прометеева друга Хирона въ адѣ для искушения Прометея, о примиреніи Зевса съ Прометеемъ и съ людьми,—и онять проводить параллель съ вѣрованіями и событиями еврейскими; онь показываетъ, какъ старое библейское преданіе и новозавѣтные факты оказались сходны съ сказаниями греческими и вступили съ ними во взаимодѣйствіе, отчего появился новые сказанія. Небольшое отступленіе дѣлается въ этой главѣ для сличенія еврейскихъ представлений о діаволѣ съ персидскими. Послѣдняя глава подчеркиваетъ остатки народныхъ вѣрованій въ зависть Божію у христіанскихъ народовъ, выжито до послѣднаго времени.

Книжка, конечно, не можетъ претендовать на оригинальность и новизну выводовъ, но, какъ замѣчательный образчикъ популяризаторскаго труда, она стоитъ высоко. Недостаткомъ ей мы должны считать извѣстную политическую тенденцію, которую очень не трудно усмотреть, читая между строкъ. Мы бы и не касались этого пункта, если бы тенденціозность не увлекла г. Драгоманова, серьезнаго ученаго и профессора исторіи, въ крупную историческую ошибку: исчисляя преимущества республиканскаго устройства и приводя къ пріимеру Грецію, онъ увѣряетъ, будто тамъ каждый свободно могъ «разбрать розумомъ усякі речі, що доторкалисѧ до віра». За что же, спрашивается, страдали Анаксагоръ, Сократъ и др.? «Неправда—не просвѣтъ», скажемъ мы г. Драгоманову его же словами, брошенными когда-то одному изъ біографовъ Канткі-Основьяненка.

Языкъ проф. Драгоманова—ясный и простой. Есть руссизмы.

А. Крымскій.